

Этот вопрос заставил Дуань Цзяяна на мгновение захотеть испариться.

Он чувствовал, как температура его тела медленно, но верно ползёт вверх.

Если бы его сердце действительно утопили в газировке, то сейчас оно бы уже захлебнулось.

— Да потому что мне неловко, — сухо признался Дуань Цзяян.

Лу Синьцы не успел даже усмехнуться, как тот, с пылающими ушами, выпалил на одном дыхании:

— Ты можешь не подходить так близко и не говорить так... так странно? Ты видишь, что человек покраснел, и подходишь спросить, почему он покраснел? Эй, ученик, ты же вроде умный, почему сейчас-то тупишь?

Лу Синьцы не ожидал, что, доведённый до крайности, он отреагирует именно так.

Смутившись до предела, он вдруг начал засыпать его градом встречных вопросов.

— Моя вина, — сдерживая смех, произнёс Лу Синьцы. — Не стоило мне так.

Дуань Цзяян на собственном опыте прочувствовал, что значит биться кулаками о вату.

И, непонятно почему, жар, только что схлынувший с лица, грозил вернуться с новой силой.

Дуань Цзяян, с трудом сохраняя невозмутимое выражение, кивнул:

— Надеюсь, ты запомнишь свою ошибку, будешь повторять её про себя каждый день и станешь более тактичным человеком.

— Тогда ты будешь меня контролировать каждый день, — с готовностью согласился Лу Синьцы.
— Я постараюсь.

Дуань Цзяян: «...»

Да уж, этот Лу Синьцы — настоящий мастер ходить вокруг да около.

Приближался Новый год, и даже в школе уже витала праздничная атмосфера.

Канун Нового года выпадал на четверг, и многие планировали выбраться куда-нибудь, чтобы встретить полночь. На последнем утреннем уроке Сун И, которому стало скучно, листал что-то в телефоне и шепнул Дуань Цзяяну:

— На площади Наньшань будет музыкальный фонтан, а в полночь запустят фейерверк. Звучит грандиозно, не хочешь туда?

Дуань Цзяян наклонился, чтобы посмотреть в его телефон.

На самом деле, ему было всё равно, где встречать Новый год, но в районе Наньшань было много развлекательных заведений, так что до полуночи можно было скоротать время. Идея Дуань Цзяяну понравилась.

К тому же, встречать Новый год веселее там, где много людей.

— Наверное, многие из нашей школы поедут в Наньшань, — сказал Сун И. — Всё-таки близко.

— Если мы уйдём, то вернёмся уже после отбоя, — тоже понизив голос, ответил Дуань Цзяян.
— Ты поедешь домой или останешься у меня?

Сун И уже собирался ответить.

Но вдруг Дуань Цзяян почувствовал, как его тело обмякло.

Тянущая боль поползла вверх по спине, а кончики пальцев закололо и защекоotalo.

Сун И уловил лёгкий цветочный аромат. Он посмотрел на Дуань Цзяяна, чьё лицо исказилось, и торопливо спросил:

— В туалет?

Дуань Цзяян кивнул и достал из ящика стола ингибитор. Задняя дверь была открыта, и он, выскочив из класса, в несколько шагов добрался до туалета.

Когда он выходил, Лу Синьцы, до этого слушавший учителя, повернул голову, и кончик его ручки замер над черновиком.

Он слегка прищурился.

Только что он, кажется, уловил запах феромонов Дуань Цзяяна.

Войдя в туалет, Дуань Цзяян дёрнул дверь кабинки и быстро заперся.

Пока он делал укол, спину пронзила тупая боль. Когда игла вошла в руку, он с трудом сдержал стон, прикусив язык.

Когда волна слабости, заставлявшая тело ломить, наконец отступила, Дуань Цзяян с облегчением выдохнул.

Он уже взялся за ручку двери, как вдруг увидел, что на его запястье проступают красные пятна.

Поколебавшись, он отдёрнул руку.

Раньше он мог бы просто вернуться в класс и попросить Лу Синьцы о помощи.

Но сейчас их отношения были такими неопределёнными, что просить его о временной метке, объятиях или даже одолжить одежду казалось неуместным.

Просить о таком, зная о его чувствах, было бы равносильно бессовестному использованию его симпатии.

Дуань Цзяян не мог так поступить.

Может, просто лечь в больницу на пару дней?

В изоляции, в общем-то, нет ничего страшного. Большинство Омег со стрессовым синдромом во время приступов отправляют именно туда. Может, в больнице найдётся палата с компьютером, и он сможет пару дней поиграть в игры...

Если так подумать, то вроде бы неплохой вариант?

Дуань Цзяян взглянул на часы.

До конца урока оставалось несколько минут. Из коридора уже доносились голоса учеников. После звонка толпы хлынут к выходу, и если он сейчас выйдет, то, скорее всего, умрёт от боли прямо по дороге.

Туалет был одним из тех мест в школе, где феромонов Альф было меньше всего. Красные пятна на запястье расплзались медленно, и тело не так сильно болело.

Дуань Цзяян решил подождать, пока все разойдутся, и только потом выйти из кабинки.

Едва он это решил, как услышал, что кто-то снаружи зовёт его по имени.

— Дуань Цзяян? — раздался голос Чжоу Синчэня. — Я видел, как ты побежал в сторону туалета. Ты здесь?

Дуань Цзяян, недолго думая, откликнулся.

— Ты чего так долго? Засел?

Дуань Цзяян подумал, что тот один, и прямо ответил:

— Нет.

— Ну так что, ты закончил? Пойдём вместе.

— Я попозже, иди один.

Чжоу Синчэнь на мгновение замолчал, а затем посмотрел на стоявшего рядом Лу Синьцы.

Хотя он и не понимал, почему Лу Синьцы потащил его в туалет и при этом молчал, Чжоу Синчэнь всё же спросил:

— Бро Лу, мы идём или нет?

Чжоу Синчэнь не старался говорить тише.

Услышав это имя, Дуань Цзяян почувствовал, как у него волосы встают дыбом.

— Что с тобой? — заговорил Лу Синьцы. — Почему ты так долго в туалете?

Его голос был тихим, а эмоции — неясными.

Дуань Цзяян не знал, догадался ли тот о его приступе, и, собравшись с духом, соврал:

— У меня живот болит, хочу ещё немного посидеть.

Снаружи Лу Синьцы уже примерно понял, в чём дело. Он посмотрел на закрытую дверь кабинки, криво усмехнулся и сказал Чжоу Синчэню:

— Иди один.

— А?

— Я тут покурю и пойду.

Эти слова предназначались как Чжоу Синчэню, так и Дуань Цзяю.

Когда Чжоу Синчэнь ушёл, Лу Синьцы намеренно выбрал соседнюю с Дуань Цзяном кабинку. Войдя, он не стал закрывать дверь и, как и обещал, закурил.

Дуань Цзян уловил тонкий запах дыма.

Кроме дыма, доносились и едва ощутимые феромоны Альфы. Чистый аромат лайма и трав дразнил нервы Дуань Цзяна. Всего в одной стене от него было лекарство, способное унять его боль.

Приступ, который до этого был терпимым, внезапно усилился в несколько раз. Дуань Цзян смотрел на расплзающиеся по руке красные пятна, то сжимая пальцы в кулак, то разжимая их.

Так больно...

— Всё ещё болит? — вдруг спросил Лу Синьцы.

Его голос был спокойным, словно это был самый обычный участливый вопрос.

— Нормально, — Дуань Цзян старался, чтобы его голос звучал как обычно. — У тебя ещё много сигареты?

— Ещё не скоро кончится.

Дуань Цзян сдержался, но потом не выдержал:

— Почему ты куришь именно здесь?

Если бы запах Лу Синьцы не раздражил его, ему, возможно, не было бы так плохо.

Это было всё равно что поставить стакан воды перед умирающим от жажды человеком и запретить к нему прикасаться. Дуань Цзяна это просто убивало.

— Если мама учует запах дыма, она начнёт расспрашивать.

— Тётушка не разрешает тебе курить?

— Не то чтобы, просто ей это не нравится.

Дуань Цзяян тихо зашипел от боли и, чтобы отвлечься, продолжил разговор:

— Курить и правда не очень хорошо.

Лу Синьцы, видя, что тот полдня ходит вокруг да около, но так и не решается попросить о помощи, едва не рассмеялся от злости.

Хотя за последнее время их отношения явно потеплели, столкнувшись с проблемой, Дуань Цзяян снова спрятался в свою раковину. Он был не против уговаривать его и ждать, пока тот сам всё поймёт. Но такое упрямство было просто игрой с собственным здоровьем.

В этот раз он случайно заметил, что с ним что-то не так. А что будет в следующий?

Дуань Цзяян так же будет жалко прятаться в туалете, ждать, пока все уйдут, а потом, терпя боль, бежать в больницу? Он не боится, что по дороге что-нибудь случится?

Он впервые видел, что Дуань Цзяян может быть так жесток к самому себе.

Сдерживая гнев, Лу Синьцы сказал:

— У меня нет зависимости, бросить легко. Если считаешь, что это плохо, просто скажи, и я брошу.

Он намекнул:

— Я прислушаюсь к любой твоей просьбе.

Дуань Цзяян надолго замолчал.

Затем Лу Синьцы услышал его голос.

Вероятно, пытаясь казаться беззаботным, Дуань Цзяян произнёс с ноткой развязности:

— Главное, что нет зависимости. А так, курить — это нормально.

Услышав это, Лу Синьцы с каменным лицом провёл языком по задним зубам.

— Ладно, — он затушил сигарету, и его голос стал холодным. — Я пошёл.

Услышав, что тот уходит, Дуань Цзяян вздохнул с облегчением.

Но сразу же после этого, то ли инстинктивно, то ли поддавшись истинному желанию, он почувствовал укол сожаления.

Дуань Цзяян шевельнул губами, но так и не смог произнести слова мольбы.

Он слышал, как Лу Синьцы открыл дверь кабинки, и его шаги становились всё дальше. Убедившись, что тот покинул туалет, Дуань Цзяян больше не мог сдерживаться. Он рывком отпер замок и вышел.

Сделав всего несколько шагов к выходу, Дуань Цзяян замер.

Он увидел человека, стоявшего у двери.

Лу Синьцы, увидев его, сосредоточил на нём свой взгляд и, повернувшись, запер дверь туалета.

Когда дверь закрылась, вокруг стало темнее.

Тёмные, как ночь, глаза парня спокойно смотрели на него. На его лице не было никаких эмоций. Взгляд Лу Синьцы скользнул по покрасневшим рукам Дуань Цзяяна, остановился на красных пятнах, занявших почти половину его шеи, и он тихо и ровно произнёс:

— Почему ты не пришёл ко мне, если тебе было плохо?

Дуань Цзяян молчал.

Ему было непривычно видеть Лу Синьцы таким. Тот никогда не показывал ему свою властную сторону. Взгляд Альфы был почти осязаемым, он дюйм за дюймом скользил по открытой коже Дуань Цзяяна.

Он отчётливо чувствовал, что Лу Синьцы сейчас в ужасном настроении.

Прождав довольно долго и видя, что тот не двигается с места, Лу Синьцы почти с

безнадёжностью и смирением шагнул к нему.

Он и вправду только что вспылел. Поведение Дуань Цзяяна вывело его из себя, и он, словно соревнуясь, упрямо тянул время, зная, что тому плохо.

Он опустил глаза, посмотрел в прозрачные, как стекло, глаза напротив и мягко предложил:

— Я сделаю тебе временную метку, а потом провожу в больницу, хорошо?

Дуань Цзяян открыл рот.

Он предпочёл бы, чтобы Лу Синьцы проявил нетерпение, а не говорил с ним таким добрым и ласковым тоном. Чем мягче был Лу Синьцы, тем сильнее Дуань Цзяян чувствовал себя виноватым.

— Не надо, — Дуань Цзяян торопливо отвёл взгляд, избегая его глаз. — Я сам дой...

Он не успел договорить.

Человек, стоявший на некотором расстоянии, внезапно наклонился, и дистанция между ними сократилась до такой степени, что их носы почти соприкоснулись.

Воздух вокруг, казалось, пропитался тем самым свежим и лёгким запахом трав.

Не успел Дуань Цзяян среагировать, как феромоны Альфы окутали его. Тело, измученное приступом, словно получило спасение, и мысли Дуань Цзяяна помутились.

Лишь когда ладонь Лу Синьцы сжала его плечо, и он, наклонившись, почти коснулся губами его шеи, Дуань Цзяян очнулся.

— Не надо, — он отшатнулся. От боли и от сводящего с ума запаха его голос дрожал. — Если ты поставишь метку, это будет уже в третий раз.

Три временные метки на одном и том же Омеге могли повлиять на суждения Альфы и даже создать своего рода связь между ними.

После третьего раза Альфа, скорее всего, потеряет интерес к другим Омегам. Он не хотел до такой степени влиять на Лу Синьцы, пока сам не разобрался в своих чувствах. Это было бы слишком несправедливо.

— В третий раз, — голос Лу Синьцы был тихим, но в нём чувствовалось огромное давление. — И

что с того?

Видя, что тот на мгновение замер, Дуань Цзяян поспешно сказал:

— После третьего раза это повлияет на тебя, это для тебя плохо.

— Ты думаешь, моя симпатия к тебе — это то, на что могут повлиять инстинкты?

— ... — Дуань Цзяян промолчал.

— Дуань Цзяян, — ровно позвал его Лу Синьцы и в конце концов усмехнулся. — Ты меня, кажется, немного недооцениваешь, да?

Когда его схватили за запястье, у Дуань Цзяяна всё внутри оборвалось.

Он инстинктивно попытался вырваться, но Лу Синьцы был слишком силён. Он понял, что не сможет отбросить его, как любого другого.

Впервые Лу Синьцы обрушил на него всю мощь своих феромонов.

Вероятно, он всё же сдерживался, потому что Дуань Цзяян не чувствовал удушья от подавления, лишь ноги подкосились, и инстинкт требовал подчиниться воле другого.

Осознав, что окончательно вывел Лу Синьцы из себя, Дуань Цзяян на мгновение замешкался.

И в этот самый миг его с силой впечатали в дверь кабинки. Ладонь Лу Синьцы опередила его, защитив затылок.

Но даже так удар был довольно сильным.

Однако Лу Синьцы, казалось, не чувствовал боли. Он развернул его и прижался сзади...

Они оказались в тесном и интимном контакте.

Дуань Цзяян инстинктивно хотел отмахнуться локтем, но, боясь причинить ему боль, замер. Он лишь предупреждающе выкрикнул:

— Лу Синьцы!

Тот видел каждую его реакцию, и последнее сомнение испарилось, когда Дуань Цзяян прекратил сопротивление.

Он облизнул клыки и безрассудно впился зубами в шею парня в своих объятиях.

Феромоны хлынули в уязвимую шею, и Дуань Цзяян мгновенно потерял силы. Его пальцы несколько раз царапнули по перегородке, издав тихий, шуршащий, полный двусмысленности звук.

В горле Дуань Цзяяна пересохло, он не мог вымолвить ни слова.

Лу Синьцы, очевидно, сдерживал гнев, и его движения были грубее, чем когда-либо прежде, в них проглядывала звериная сущность Альфы. Клыки, впившиеся в его железу, вошли очень глубоко.

Он окончательно потерял равновесие. Тело обмякло, и он начал сползать вниз, но рука на его талии с силой приподняла его.

Длинные пальцы приподняли подбородок Дуань Цзяяна, заставляя его полностью открыть железу.

И снова шею пронзила острая боль.

Они никогда не делали метку так долго. Феромоны непрерывным потоком вливались в его железу, и Дуань Цзяяну казалось, что он медленно сгорает.

Лишь когда он почти потерял способность мыслить и мог только полагаться на человека позади, Лу Синьцы медленно остановился.

На теле Дуань Цзяяна осталась полная, чёткая метка.

Лу Синьцы посмотрел на это клеймо, принадлежавшее ему, и, развернув обессиленного Дуань Цзяяна, заглянул ему в глаза.

Их взгляды встретились.

Янтарные глаза напротив были затуманены влагой, а одежда от его грубых действий была в беспорядке.

У Дуань Цзяяна на шее была маленькая светлая родинка, линия шеи и плеч была тонкой, а кожа — белой и гладкой.

Запах цветов и трав смешался, их феромоны слились воедино, создав опьяняющий аромат страсти.

Глядя на всё ещё не пришедшего в себя Дуань Цзяяна, Лу Синьцы опустил веки.

Тёмное желание обладать этим человеком, которое он так долго подавлял, больше невозможно было сдерживать.

Он наклонился, его нос скользнул по носу Дуань Цзяяна, и ещё мгновение — и их губы бы соприкоснулись.

Аура Альфы окутала Дуань Цзяяна, и весь мир, казалось, пропитался этим свежим, лёгким запахом.

Поняв, что собирается сделать Лу Синьцы, Дуань Цзяян, прежде чем тот успел его накрыть, поддался порыву и резко оттолкнул его.

Только что помеченный, он вложил в толчок слишком много сил и почувствовал, как в висках застучало, а в глазах потемнело.

Осознав, что только что произошло, Дуань Цзяян с недоверием поднёс руку к лицу и провёл большим пальцем по уголку губ.

Его взгляд потемнел, и он плотно сжал губы.

Он взмахнул рукой, собираясь ударить его по лицу.

Лу Синьцы слегка приподнял бровь, но не увернулся.

Но когда кулак уже почти коснулся его лица, разъярённый парень внезапно замер.

Дуань Цзяян несколько секунд холодно смотрел в глаза Лу Синьцы, затем опустил руку и, не оборачиваясь, толкнул дверь и ушёл.

Лу Синьцы слушал, как его шаги медленно затихают.

Спустя долгое время...

Осознав, что он натворил, оставшийся на месте парень сжал губы и тихо выругался.

Дуань Цзяян не спал весь обеденный перерыв.

Стоило ему закрыть глаза, как в голове снова и снова прокручивалась недавняя сцена.

Метка на его теле была глубокой, и до носа всё ещё доносился едва уловимый запах трав.

Он снова вспомнил тот момент, когда их взгляды встретились.

У парня были мужественные черты лица, светлая кожа, а длинные ресницы, опускаясь, наполовину скрывали его глаза.

В его взгляде росло прямое и чистое желание.

Дуань Цзяян тогда так резко развернулся и ушёл не только потому, что не смог его ударить, но и потому, что взгляд Лу Синьцы привёл его в полное смятение.

Этот слишком дерзкий, почти пожирающий взгляд заставил его спину похолодеть, и он инстинктивно захотел сбежать.

Тот всего лишь посмотрел на него, а он уже струсил и не смог поднять руку. Но что было ещё хуже, так это то, что под этим страхом, возможно, скрывалось и лёгкое смущение.

Вот это уже было совсем неправильно.

Он меня укусил, так почему смущаться должен я?

При этой мысли Дуань Цзяян с силой ударил по подушке. Кровать в общежитии глухо стукнула. Сун И, который в этот момент спускался с лестницы, почувствовал толчок и испуганно посмотрел вверх:

— Сяо Дуань! Землетрясение!

— ...

Это состояние продлилось до самого начала уроков.

Дуань Цзяян медленно вошёл в класс и медленно сел на своё место. Неизвестно, было ли это его воображением, но ему казалось, что человек сзади не сводит с него глаз.

Он чувствовал этот взгляд спиной.

Дуань Цзяян притворился, что беззаботно играет в телефон, но его взгляд то и дело украдкой скользил назад.

На самом деле, Лу Синьцы поступил не так уж и плохо.

В конце концов, он беспокоился о его состоянии. К тому же, его причина отказа от метки, казалось, ставила под сомнение чувства другого человека.

Думая так, Дуань Цзяян несколько раз хотел просто обернуться, но в итоге так и не смог пересилить себя. Так он и просидел в напряжении всю вторую половину дня.

Вечером, когда занятия закончились, ученики потихоньку расходились ужинать. Взгляд Лу Синьцы упал на шею парня, сидевшего впереди. Там виднелся слабый след.

За весь день Дуань Цзяян не сказал ему ни слова, даже не повернул голову в его сторону, всем своим видом показывая, что не желает с ним общаться.

Похоже, в этот раз он действительно перешёл черту. Но что раздражало ещё больше, так это то, что он совершенно не знал, что делать в этой ситуации.

Смешно сказать.

Сам натворил дел, а теперь не знает, как разгрести этот бардак. Лу Синьцы чувствовал себя полным неудачником.

— Я никуда не пойду, — без особого энтузиазма сказал он Чэнь Юэ. — Поужинай с Чжоу Синчэнем.

— Ладно, — охотно согласился Чэнь Юэ. — Тебе принести что-нибудь?

Дуань Цзяян уже собирался уйти с Сун И, как вдруг услышал разговор за спиной.

Прислушиваясь к их диалогу, он замер на месте, а затем внезапно сказал Сун И:

— Я передумал, не пойду. Идите с Шэнь Чилиэ.

Сун И недоумевал:

— Ты же хотел острой лапши?

Только что ведь был полон энтузиазма, даже степень остроты выбрал.

— Внезапно аппетит пропал, — с невозмутимым видом ответил Дуань Цзяян. — Перекушу потом булочкой.

Сун И не стал вдаваться в подробности, кивнул и вышел из класса.

Постепенно все разошлись.

В классе остались только они вдвоём.

Дуань Цзяян тянул время, но так и не смог заставить себя обернуться. В конце концов, ему это надоело, и он уже собирался резко повернуться, как...

Кто-то тихо отодвинул стул рядом с ним и сел.

На парту Дуань Цзяяна легла молочная карамелька.

— Всё ещё злишься?

В пустом классе голос парня звучал очень тихо, приглушённо, с нотками примирения.

Сердце словно кто-то легонько сжал, и последняя капля упрямства, увидев эту карамельку, испарилась без следа.

— Ты что, ребёнка уговариваешь? — Дуань Цзяян взял конфету, его лицо было непроницаемым.

Лу Синьцы увидел, как тот отвернулся, и, положив конфету обратно ему в руку, решил, что это отказ от примирения.

Он мысленно вздохнул, впервые чувствуя сожаление.

Сначала натворил дел под влиянием момента, а теперь, похоже, будет очень трудно его задобрить.

В следующую секунду...

Он услышал тихий голос Дуань Цзяяна:

— Хочу клубничную.

<http://bllate.org/book/14653/1301116>